

Глухомань: Посвященный Моране

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Емельянов

Александр Геннадьевич Емельянов

Глухомань:

Посвященный Моране

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58857488

SelfPub; 2022

Аннотация

Казалось бы, в Российской империи на переломе веков есть повод, чтобы посокрушаться о неразвитости огромного и щедрого на дары Природы края, как о какой то глухомани...но Человек безжалостно врывается в её Леса, убивая Детей Леса, сжигая сотни и тысячи гектаров Живой Тайги...Но недаром вокруг нас разлита истинная, не загаженная техническим прогрессом, великая и чистая Магия...И существует многосотлетний Клан магических Хранителей Леса – Зверунов, колдунов и колдуний... И сама Мать – Природа в лице великой Мораны выбирает своих Хранителей...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Емельянов

Глухомань:

Посвященный Моране

Пролог

Казалось бы, огромные расстояния Российской империи на переломе веков должны были бы дать повод, чтобы по-сокрушаться о неразвитости огромного и щедрого на дары Природы края, как какую то глухомань...но не только энтузиасты, местные жители думают о судьбе своего края...Но и сама матушка – Тайга с тревогой смотрит на то, как человек безжалостно врывается в её Леса, убивая Детей Леса, сжигая сотни и тысячи гектаров Живой Тайги...Но недаром вокруг нас разлита истинная, не загаженная техническим прогрессом, великая и чистая Магия...Многосотлетний Клан магических Хранителей Леса – Зверунов, колдунов и колдуний... И сама Мать – Природа в лице великой Мораны выбирает своих Хранителей...

Глава 1

– Егорка! Егор! – голос отца гулко разносился по лесному безмолвию Дарьиного полесья, что размещалось в пяти верстах от станицы Гремячий Луг, что притулилось в Павловской Теснине, на излучине стремительной красавицы Ингоды, в тридцати пяти верстах южнее города Читы, тогда затхлого, уездного городишка...

В этой елани размещался Ванькин покос, на котором у моих родителей была две десятины покоса, выделенного обществом сельского поселения. На нем сейчас были мы с отцом и старшой брат, Алексей. Жили мы семьей в этих местах уже достаточно долго, около ста лет... с момента выселки нашего прадеда Анисия Петровича Былкова в середине еще восемнадцатого века сосланного, как вспомощника бунтовщиков в Польском восстании...

Итак, я – парнишка десяти годков от роду, маме – Аксинье Петровне Былковой, в девичестве Петровой, около тридцати годков... Я – последний. как говорят в этих местах – «Отхончик», может и потому родители баловали меня, как последнего в семье ребенка... Ну как баловали? В дикой тайге, в окружении суровых сопок, так... разве что пряник или петушок сахарный из торгового форпоста неподалеку... Жилье тут суровое – только огород и покосы, а также и корова и две козы... табунок овец, курочек с десятков и утей... Особая

гордость мамы – пять гусынь и огромный гусак – Петр Степанович! Ха! Так его прозвали, когда он еще малым гусенком был...

Ну и конечно, отцов любимец – строевой конь Гнедой! Ну и мой – таежная сибирская лайка Майкоп...почему у него такая кличка? Не знаю?! Мне его подарили еще малым щенком, поранил тот лапушку и потому ковылял за мной...вечно скуля и прося, чтобы его погладили, проезжие геологи, когда были тут проездом, и брали отца (Василий Анисимович Былков) в качестве проводника по местным местам...Что они там нашли? Никто не знает...

А я и не скупился на ласку...жалко было песика! А он вырос, окреп вместе со мной и стал таким красавцем, что мужики, что собирались вечернюю зорьку приговаривали папке – Ну ведун твой малец! Вон из какого калеки какую справную собаку вырастил...

А песик и вовсе расстарался, когда однажды по осени, увязавшись еще подростком вслед за отцом, внезапно примчался домой, весь растрепанный и с дикой тоской в глазах! Мать, только кинула взгляд на пса, сразу вскинулась и к соседу – Петрович, беда с моим Васей приключилась, вон калика наш вернулся, зовет за собой!

И мужики быстро взнуздали коней, свистнули пса и следом за ним умчались в вековую тайгу, что сурово набычилась за околицей деревни...Под вечер они вернулись, ведя двух коней на поводу, между ними в импровизированных носил-

ках колыхалось безвольное тело отца...

Но слава богу, откачали отца, после этого он стал странно задумчивым, часто сидел на завалинке, поглаживая пса за шиворот... тот жмурился от ласки, закидывая голову назад, словно стремился преданно взглянуть в глаза хозяина! И с той поры его приоритеты поменялись с меня на папку... И с той поры отец никогда не выезжал без пса, более того, если пес отказывался идти в тайгу, то и отец – тоже... И хоть журили его мужики – Мол чё с пса взять – то?

Но батя только молчаливо качал головой – Нет! И вот, та самая геологическая партия, которая ушла в тайгу... пропала! Должны были выйти из неё к исходу второго месяца, а их все нет и нет!

А вот только наткнулись они видимо в тайге на что-то странное? Ибо через полгода из тайги вышел только один геолог, видать сошел с ума? Его отсутствующий взгляд, растрепанная голова, изодранная в хлам одежда и всего-то одна ценность – карта! И самый прикол, вышел он на зады нашей ограды...

Отец кинулся к нему, причитая – Михалыч, что с тобой?

Но тот только дико вытаращился на него и закричал тонким голосом – Не тронь меня, отродье дьявола! Сгинь нечистый! Оставь мою душу в покое...

Неловко дернул рукой и из его рукава выпал замусоленный кусок бумаги...

Потом сельский лазарет... допрос у сельского старо-

сты...Даже где-то под Новый год приезжал из Читы жандармский следователь, но допрос отца так и не прояснил загадочной ситуации с геологической партией? Но он ничего не принес, мужик скончался буквально на второй день с момента входа из тайги на нашу околицу! А странная карта так и осталась у отца, он поначалу и не обратил внимания на неё...

Лишь через примерно полгода, он сидя как-то поздним вечером, развернул её, как бумагу и подстелил под сковороду, в которой шкворчала поджаренная на кусочках свиного сала картошка! Ум-м-м! Вкуснятина! И только уже когда отец доедал поздний ужин, обратил простой интерес к знакам, начертанных на странной этой карте! Как и положено, он был неграмотный, но очень умным и удачным старателем...

– Егорша...– тихо позвал он меня – Ты это...спрячь где-нибудь, да эвон под застрехой хоть! Никто не должен знать об этой бумаге! Почему? Да потому что ценности она великой! Нам всем за неё голову снесут и не спросят! Понял сынок?

Чего не понять-то? Раз батюшка просит, я хорем метнулся в укромное место, под банный настил...там есть закуток, в котором я хранил свои детские сокровища...кусочек зеркала, перо большого таежного филина...чегой-то еще. Сейчас даже и не упомяну всего?

Спрятал, посидел, переводя дух, затем осторожно выгля-

нул – никого? Ну вот и хорошо! Да только и не видел, что за мной следом метнулась тень соседского пацана – Гаврюха Метковский! Мелкий гаденыш! Он и обшарил мой закуток в надежде найти то, что я туда засунул...

Хрен ему в гадкую пасть! Не нашел он там ничего, что по его мыслям должно быть очень важным! Не нашел! Уж больно надежно я спрятал? Да? Тогда прочему у Майкопа донельзя довольная рожа? Он перед самым приходом соседского пацана выкрал у меня заветный кусок бумаги... малехо пожевал, да и выплюнул его в почти в самом углу усадьбы, под огромной листовенничной лапой, что свесилась до самой земли... тут–бы карте и кранты, но видимо судьбе было угодно, чтобы она не ушла из нашей семьи...

Как-то копая огород по весне на следующий год, обнаружил я самый крайний кусочек плотной, измусоленной и почти выцветшей карты под елкиной лапой... И по расстроенной морде Майкопа понял, что именно он своровал её у меня! Поманил того к себе, ехидно приговаривая – Ну-ка иди сюда, засранец мохнатый!

Тот словно чуя, что ему сейчас надерут уши, бросил на меня печальный взгляд и подошел, жалобно скуля и кидая на меня полный отчаяния взгляд...

– Как же ты мог, Майкопушка? Украсть у меня? Своего хозяина? Обидел ты меня... – договорить мне он не дал, отчаянно скуля, словно извиняясь за свой проступок, он принялся вылизывать мне лицо, и отчаянно же мести пыль хво-

стом!

– Ладно! Прощен! Но в следующий раз – не обессудь! – фыркнул я, утираясь рукавом рубашки свое исключающее лицо и только собрался идти в дом, как ахнул – пес с торжествующим видом тащил какую-то хрень, зажатую в зубах! И когда принес, тожественно положил к моим ногам...

– Бог мой! Что это? – только и смог я высказать, как ткань свертка лопнула, видимо надкушенная псом и из него вывалилась в пыль...куском, вернее...настоящим слитком золота! Нифигасе?

Я очумел, сразу же накрыл её платком, кинулся в дом, к отцу, крича лихоматом – Папка! Папка! Там это...Майкоп принес... – и в сенцах с разбегу налетел на отца!

– Тпру! Ошалелый! – поймал он меня за плечи и встряхнул легонько – Там...там! Там...золото! – тихо уже прошипел я ему в ухо...

– Стоп! – также тихо сказал он и посмотрел мне в глаза!

– На полу, перед лавкой в баню, батя! Майкоп принес в зубах, когда я его отчитывал!

И не веря пока мне на слово, отец вытолкнул меня на крыльцо и крепко взяв меня за локоть спокойно сказал – Веди, рудознавец!

Пройдя двор наискосок, мы подошли к лавке, где в пыли, под куском полуистлевшей ткани лежал тот самый слиток золота! Отец сел, облизал враз ставшие сухими, губы и стал аккуратно поднимать тряпицу с земли! Раздался мело-

дичный звон и из тряпицы на землю выпали не один, а целых три слитка золота! Одинаковые, сверху на каждом – по странной гербовой печати (не имперской...точно), с указанием весового достоинства и весовой доли золота в сплаве – 999,9!

– Вот о...ть и не встать! – непроизвольно матюкнулся батя, судорожно засовывая их в подол рубахи...– А ну бегом в дом! Живо, твою мать! – выверился он на меня, пес же предусмотрительно спрятался куда-то под баню...

Пришли, у обоих сердце казалось, выскочит само из груди...стало как-то душно, дышать трудно! Отдышавшись, отец кивнул мне – типа шасть на кухню! Дошли и оба синхронно рухнули на лавку, а отец из подола рубахи вывалил слитки на стол...Не утих еще мелодичный звон драгоценного металла, как в кухню вошла мать, вытирая рушником руки – Чего у вас тут? О чем секретнич...– вопрос повис в воздухе, мама рухнула на лавку за спиной отца, выдохнув – Вот оно, проклятое золото Дарьи-казачки?

– Откуда, мужики? – голос матери взвился, а отец молча сидел, смотря на эти злополучные слитки металла...

– Сказывай, где взял? – и отец повернул лицо ко мне – Паап! Я же тебе кричал, что это Майкоп принес! Откуда я знаю, где он его взял? Он же гаденыш, карту Михалыча тогда у меня украл... – виновато опустил я глаза...на отца было страшно смотреть, его лицо побелело, ни кровиночки...

– Спокойно, Вася! – мама погладила спину отца, его от-

пустило.

Лицо стало наоборот, словно нагреваться и менять цвет с белого на пунцово-красный! Затем она повернулась ко мне и спокойно спросила – Сынок, откуда ты его взял? Расскажи все, не утаивай ничего!

А старшого не было дома, он с парнями ушел в ночное, у него там видимо свидание с Лукерьей Метковской, сестрой того самого мелкого гаденыша! Я молчал, насупившись...они не верят мне, что это не я принес это золото?! Потом поднял заплаканное лицо и вытерев слезы пополам с соплями рукавом рубашонки сказал – Не верите мне? Вижу не верите, что же...тогда спросим самого виновника...

– Майкопша! Подь сюды, варнак этакий! – ласково позвал я верного пса.

Тот появился через минуты полторы – две, виновато махая хвостом, проникновенно глядя в глаза всем людям, столпившимся возле него...

– Майкопша, видишь это? – спросил я, указав на слитки, а родители молча сидели, смотря, как я вел допрос главного обвиняемого...

Пес посмотрел на золото и вильнул хвостом, но отец, как охотник хорошо понимал язык тела своей лучшей собаки, типа – Да! А что?

– Сможешь найти ещё? – этот паразит взвизгнул и подпрыгнув, лизнул меня в лицо...знает, зараза, что я тоже его сильно люблю! И кинулся в сенцы, скуля, словно говоря –

Быстрее, побежали!

Отец кинулся в сенцы, сгреб ружье, патронташ, куртку и рюкзак, обернулся на миг и накинув кепку, вышел на крыльцо – я уже стоял готовый к походу... Но батя сказал – Останешься дома. С мамкой! Без разговоров, я сказал!

Вскочил на своего Гнедого, тронул поводья и выехал со двора под оглушительный лай Майкопа! Вскоре их силуэты растаяли в вечерних сумерках... Езда в тайгу на ночь глядя не была чем-то таким необычным для моего отца! Отголоски лая Майкопа постепенно затихли вдали и мать, всхлипнув, помотала головой и сказала – Зачем ты принес это проклятое золото?

Ушла в дом, чтобы пристроить золото так, чтобы никому в глаза не лезло... А я сидел, расстроено смотря в наваливающиеся на деревню ночь... Где-то заворчала свинья, хрюкнула, устраиваясь на бок... Обиженно взвизгнул поросенок – места не хватило под боком свиньи, наверное?

Зло гавкнула собака, это наверное у Сидоровых? Мявкнул соседский кот, пробираясь над поленницей дров... Тут же зашебуршали мыши или бурундук, растекаясь перед носом кота...

В притолоке наверное ворчал домовый... устраиваясь на ночлег! А иначе как объяснить те самые звуки, что сейчас доносились до моего слуха? Так же кряхтел и ворчал покойный нынче дед Василий, устраиваясь на ночь в предбаннике? – Егорка! Сынок, иди сюда! – позвала мама, наверное ве-

черять зовет?

– Мам, а папку ждать будем? – спросил я её, садясь за длинный стол, блестящий в свете свечи, сколоченный из лиственничных плах, как и делали сотни поколений до нас... «Лешаков»! Так и прозвали нашу родову, начиная еще с прадеда, за что? Фиг его знает?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.